

АЛЕКСЕЙ КАПИТОНЕНКОВ

ПРАВДА ПРОТИВ СТЕРЕОТИПОВ

Личность и реформаторская деятельность П. А. Столыпина не обделены вниманием исследователей. Ещё при жизни реформатора они стали предметом острых научных и политических дискуссий. В итоге за прошедшие десятилетия вокруг столыпинских аграрных преобразований сложился ряд стереотипных представлений, которые прочно укоренились в массовом сознании, проникли в научную литературу, школьные и вузовские учебники.

За последние 20–25 лет немало сделано для преодоления стереотипов и мифов, связанных со столыпинской реформой. В работах Э. М. Шапина, В. Г. Тюкавкина, И. И. Климина, М. А. Давыдова и др. представлен новый, свободный от прежних идеологических установок анализ целей и результатов аграрных преобразований начала XX века. Однако по-прежнему в ряде исследований сохраняются стереотипные оценки.

Стереотип первый: П. А. Столыпин в ходе реформирования российской деревни главной целью ставил полное разрушение общины.

В советской историографии безусловное господство получил тезис о “крахе” столыпинской аграрной реформы. В качестве неоспоримого доказательства “краха” приводились данные, наиболее легко воспринимавшиеся общественным сознанием, согласно которым из общины, несмотря на все старания правительства, вышла только четвёртая часть крестьян. Аналогичные оценки весьма широко распространены и в работах современных исследователей. Так, известный историк-аграрник А. М. Анфимов несколько не сомневался в “крахе реформы, направленной на буржуазную перестройку российской деревни”¹. С. В. Максимов полагает, что “хотя реформа и была воспринята частью крестьянства, большинство сельского населения за 10 лет её проведения не сочло для себя нужным, а главное, возможным выйти из общины. Не помогли здесь ни пропаганда, ни административное воздействие на общину”². А. В. Ефременко, выдвинувший концепцию “Земской альтернативы” столыпинской реформе, считает, что “с точки зрения аграрного развития того времени, реформа была всего лишь случайностью...”, она “не являлась объективно необходимой, что принципиально исключало саму возможность превращения её в развитую действительность”³. Им вторит Н. А. Дунаева, по мнению которой, попытка правительства разрушить общину была ошибочной. “Вместо изменения системы землепользования внутри общины, что действительно назрело и было необходимо, правительство, — пишет автор, — стало на путь полного уничтожения этого социального института”⁴.

Однако такой односторонний подход говорит о поверхностном суждении и неправильном понимании стратегических целей столыпинского реформирования. Между тем, в своих многочисленных речах в Государственной Думе

и Госсовете П. А. Столыпин, отвечая на критику выбранного курса, неоднократно разъяснял позицию правительства, истинные предпосылки и цели аграрной реформы. Так, ещё будучи на посту саратовского губернатора, в отчёте за 1904 год П. А. Столыпин обозначал общие черты будущей земельной реформы, в результате которой, «наряду с общиной, где она жизненна, появился бы самостоятельный зажиточный поселянин, устойчивый представитель земли»⁵.

Весьма полная формулировка основных целей реформирования была представлена П. А. Столыпиным в его выступлении во II Государственной Думе 10 мая 1907 года: «...цель у правительства вполне определённа: правительство желает поднять крестьянское землевладение, оно желает видеть крестьянина богатым, достаточным... Но для этого необходимо дать возможность способному, трудолюбивому крестьянину, то есть соли земли русской, освободиться от тех тисков, от тех теперешних условий жизни, в которых он в настоящее время находится. Надо дать ему возможность укрепить за собой плоды трудов своих и представить их в неотъемлемую собственность. Пусть собственность эта будет общая там, где община ещё не отжила, пусть она будет подворная там, где община уже не жизненна, но пусть она будет крепкая, пусть она будет наследственная»⁶.

Эту же мысль реформатор развивал и в речи перед депутатами Государственной Думы третьего созыва в начале декабря 1908 года: «В основу закона 9 ноября, — отмечал П. А. Столыпин, — положена определённая мысль, определённый принцип... В тех местностях России, где личность крестьянина получила уже определённое развитие, где община как принудительный союз ставит преграду для его самостоятельности, там необходимо дать крестьянину свободу приложения своего труда к земле, там необходимо дать ему свободу трудиться, богатеть, распоряжаться своей собственностью; надо дать ему власть над землёю, надо избавить его от кабалы отживающего общинного строя»⁷. Далее он особо подчёркивал, что «закон, вместе с тем, не ломает общины в тех местах, где хлебопашество имеет второстепенное значение, где существуют другие условия, которые делают общину лучшим способом использования земли»⁸. Эти слова П. А. Столыпина не оставляют двойного толкования — его подход к общине являлся продуманным, дифференцированным, учитывавшим региональную специфику огромной страны. При этом нет никаких оснований сомневаться в искренности слов П. А. Столыпина.

В речи в Государственном Совете 15 марта 1910 года глава правительства, весьма оптимистично оценивая успехи реформирования, отмечал, что «...при такой же успешной работе ещё через 6-7 таких же периодов, таких же трёхлетий, общины в России — там, где она уже отжила свой век — почти уже не будет»⁹. Как можно видеть, П. А. Столыпин снова говорил не о всей стране, а только о тех регионах, где община уже изжила себя и являлась тормозом для агротехнического прогресса крестьянского хозяйства. Кроме того, в цитированной речи премьер в очередной раз обращал внимание на невозможность и нежелание правительства «производить какую-либо насильственную ломку».

Таким образом, П. А. Столыпин никогда не выступал за немедленный и повсеместный слом общины, последовательно высказываясь за сохранение различных форм крестьянского землевладения и землепользования. Реформаторский курс П. А. Столыпина не являлся слепой атакой на общину, безоглядно ломавшей традиционные устои русской деревни и противоречащей желаниям крестьянства. Напротив, ряд исследователей, в частности, известные современные исследователи крестьянской общины О. Г. Вронский и Д. В. Ковалёв, отмечают в аграрном законодательстве П. А. Столыпина ряд серьёзных правовых компромиссов и уступок по отношению к общине, учёт особенностей крестьянского правосознания¹⁰. Премьер, прекрасно понимая нецелесообразность скорейшего и полного распада общины, считал необходимым сохранить её там, где она была жизнеспособна, где переход к индивидуальному хозяйству не гарантировал крестьянам больших выгод. Отсюда — сильная неравномерность в выходах крестьян из общины, и это подтверждает правоту слов П. А. Столыпина. Указ 9 ноября 1906 года хорошо использовался крестьянами там, где мирской дух был уже слабым, и плохо использовался там, где община ещё не достигла стадии разложения. В этой связи О. Г. Вронский пишет, что «если бы правительство действительно вступило на

путь повсеместной ликвидации общинного землевладения, то оно должно было ввести в закон требование обязательного выдела наделной земли к одному месту, а также предельно упростить процедуру выхода из общины отдельных домохозяев и целых обществ”, чего сделано не было¹¹.

Программа реформирования, предложенная П. А. Столыпиным, не предполагала унифицированного подхода ко всему многомиллионному крестьянству. Им предоставлялся весьма широкий выбор новых условий хозяйствования, которые не ограничивались одними лишь хуторами, создание которых предполагалось только в тех случаях, когда это было возможно, исходя из местных условий. О невозможности разбить все крестьянские земли на хуторские участки говорил в своей речи в Государственной Думе товарищ министра внутренних дел А. И. Лыкошин, подчёркивая при этом, что “... такой мысли никогда не приводилось ни в Указе 9 ноября, ни в соображениях к нему...”¹². Сам П. А. Столыпин в письме к В. Н. Коковцову от 7 июля 1907 года отмечал: “Никогда и никто не предлагал нашим посланцам силком навязывать хутора...”¹³. Местные условия в ходе столыпинских аграрных преобразований, как резонно указывает Д. В. Ковалёв, не просто учитывались, “но и оказывали решающее влияние на их масштабы, характер, динамику и логику развития на различных этапах реформирования”¹⁴.

Указ 9 ноября 1906 года, положивший начало коренному переустройству деревни, предоставлял право свободного выхода из общины тем крестьянам, кого сковывали рамки общины, кто желал из неё выйти, чтобы более рационально и эффективно хозяйствовать на своей собственной земле. Как отмечал известный экономист-аграрник Л. Н. Литошенко, “... чувство собственности, сменившее неопределённые права временного пользования, само по себе удесятерило силы мелких землевладельцев”¹⁵. Не менее красноречиво на этот счёт мнение подмосковного крестьянина С. Т. Семёнова, который на основании собственных наблюдений и практического опыта писал, что выделы из общины “дают труженику землю свободную, и на такой земле есть возможность проявить всю ту хозяйственную самостоятельность, на которую только человек и способен. При свободной земле могут беспрепятственно развиваться те творческие задатки человека, которыми богат и русский крестьянин и которым гнёт мирского большинства не давал хода”¹⁶.

Когда мы говорим о столыпинской аграрной реформе, не следует забывать тот факт, что распад общины начался задолго до начала реализации реформы и по инициативе самих крестьян. Новые веяния в жизни деревни, усиление противоречий между крестьянами, развитие индивидуализма способствовали трансформации общинного строя. Многие крестьяне переставали нуждаться в общине как в институте, который уже не гарантировал им достойного существования, тормозил развитие хозяйства, стесняя личную свободу наиболее предприимчивых земледельцев. Так, по подсчётам известнейшего исследователя социальной истории России Б. Н. Миронова, за предреформенный период, к началу столыпинской реформы, около 3,7 млн дворов, или 39% всех крестьян – членов передельных общин, – разочаровались или не доверяли полностью традиционным общинным порядкам¹⁷. При этом в некоторых губерниях (Витебской, Волынской, Псковской и др.) ещё до реформы отмечены массовые расселения крестьян на хутора¹⁸. Известный историк В. Г. Тюкавкин сделал аналогичный вывод о том, что предпосылки реформы были созданы гораздо раньше отказом многих общин от традиционной земельно-распределительной функции (в 58% общин 40 губерний Центральной России не было переделов после отмены крепостного права)¹⁹. На это обстоятельство обращали внимание и дореволюционные исследователи²⁰.

Следовательно, далеко не малая часть крестьян тяготилась общиной и была готова к восприятию инноваций. На таких крестьян, а вовсе не на кулаков, как о том в один голос утверждала советская историография, и была сделана ставка в правительственной программе реформирования. Эта мысль весьма рельефно выражена П. А. Столыпиным и в цитированном уже нами отчёте за 1904 год и в интервью корреспонденту газеты “Волга”²¹.

Указ 9 ноября, отвечая назревшим потребностям крестьянства или, как говорил П. А. Столыпин, “потребности самой жизни”, лишь ускорял процесс распада общины в тех регионах, где община уже фактически не существовала, создавая, тем самым, альтернативный тип крестьянского хозяйства и домохозяина, более успешного и приспособленного к новым реалиям²².

Более того, по обоснованному замечанию историка Э. М. Шагина, для П. А. Столыпина и его соратников по реформированию разрушение общины ни в экономическом, ни в политическом плане не являлось самоцелью, а было лишь одним из средств осуществления аграрных преобразований, направленных на создание мелких собственников с устойчивым хозяйством²³.

Стереотип второй: Правительство П. А. Столыпина проводило реформу в порядке административного нажима и насилия над крестьянами.

Подобный упрек в адрес П. А. Столыпина является не менее традиционным для отечественной историографии. Ещё в дореволюционной литературе, а затем и в последующих трудах случаи насилия над крестьянами приведены многими исследователями.

Действительно, местные чиновники, желая искусственно форсировать ход реформы, прибегали к мерам давления на крестьян, принуждая их подавать заявления о выходе из общины и о землеустройстве. В этом никаких сомнений быть не может.

Между тем, реформаторский курс П. А. Столыпина не предполагал принудительных мер, применяемых к крестьянам. На это П. А. Столыпин обращал внимание в циркуляре губернаторам от 26 августа 1907 года: «Правительство непреклонно решило дать возможность населению владеть и пользоваться землёю в лучших условиях, чем ныне. Сделать это решено безо всякого насилия, так как в таком деле насилие исключает успех. Решено лишь дать возможность каждому свободно владеть своим участком, создать мелкую личную собственность», подчёркивая при этом, что «...где община жизненна, там она и сохранится...»²⁴.

Не менее отчётливо позиция правительства отражена в уже цитированной нами речи премьера в Государственном Совете, в которой он ещё раз напоминал, что политика правительства не направлена на насильственное разрушение общины: «Не вводя силою закона никакого принуждения к выходу из общины, правительство считает совершенно недопустимым установление какого-либо принуждения, какого-либо насилия, какого-либо гнёта чужой воли над свободной волей крестьянства в деле устройства его судьбы, распоряжения его надельной землёй. Это главная коренная мысль, которая легла в основу нашего законопроекта»²⁵.

Правительство было обеспокоено произволом местных властей и со своей стороны принимало все необходимые меры по пресечению подобных случаев, требуя исключить любое давление на крестьян и тщательно следить за правильным применением указа 9 ноября. В связи с этим в циркулярном письме от 21 января 1909 года П. А. Столыпин разъяснял, что «...вся сущность закона 9 ноября основывается исключительно только на добровольном сознании населением выгод для него от перехода к личной земельной собственности и не даёт никаких прав администрации оказывать в этом отношении какое-либо давление на население»²⁶. «...Органы правительства, — дополнял П. А. Столыпин, — могут лишь разъяснять населению смысл перехода к лучшим формам землевладения, ознакомлять крестьян с порядком этого перехода и его практическими и юридическими последствиями, требовать от должностных лиц исправного исполнения их обязанностей по этого рода делам, но отнюдь не могут понуждать этих лиц и вообще кого бы то ни было к переходу к личной собственности, составляющему по Указу 9 ноября 1906 г. право крестьян, воспользоваться или не воспользоваться коим всецело зависит от личного усмотрения каждого отдельного крестьянина»²⁷.

Таким образом, П. А. Столыпин был непримиримым противником каких-либо принудительных мер, неоднократно указывая на недопустимость и незаконность их. Подобные меры противоречили основополагающей идее столыпинского аграрного законодательства, которое не являлось инструментом принудительной ликвидации общины, обеспечивая крестьянам право добровольного перехода от общинного владения к личному, но не обязывая их к этому. Непременный член Калужской уездной землеустроительной комиссии Г. А. Ермолов, опровергая обвинения в насилии, писал: «...едва ли может подлежать сомнению, что в таком громадном деле, как землеустройство, деле, затрагивающем внутреннюю жизнь крестьян, невозможно было бы достигнуть каких-либо благоприятных результатов путём насилия. Я ещё могу поверить, что единичные дела могли быть проведены таким образом, но чтобы где-либо это было введено в систему и чтобы эта система дала благие

результаты и оказалась жизненной — это может утверждать лишь лицо, совершенно незнакомое ни с бытом, ни с характером крестьян²⁸. В наши дни необоснованность тезиса о повсеместном принуждении весьма убедительно показана в одной из работ историка М. Д. Карпачёва, который, исследовав цели и результаты аграрной реформы на материалах Воронежской губернии, констатировал отсутствие фактов принудительного роспуска общины в губернии²⁹. Даже такой убеждённый критик реформы, как В. П. Данилов, в одной из последних своих работ вынужден был признать, "... что принудительность всё-таки не приняла всеобщего и исчерпывающего характера, реформаторы не встали на путь безудержного форсирования развала общинного уклада (как это случилось в годы сталинской коллективизации)"³⁰.

Итак, тезис о "крахе" реформы по причине неполного разрушения общины является несостоятельным. П. А. Столыпин, прекрасно понимая, что далеко не все крестьяне желают перехода к единоличному хозяйству, вовсе не собирався в приказном порядке всех крестьян сделать частными землевладельцами. Насильно из общины никто не выгонялся, крестьянам предоставлялась полная свобода в выборе формы землепользования. В связи с чем оценивать конечные результаты реформы по количеству крестьянских дворов, покинувших общину, а также по количеству созданных хуторских хозяйств, как это делается почти повсеместно, ошибочно. Подобный подход является в корне неверным, и от него необходимо отказаться.

Выход крестьян из общины и укрепление наделной земли в личную собственность являлись лишь начальным этапом реформирования, на что неоднократно указывал П. А. Столыпин. Так, например, в циркуляре губернаторам от 19 июня 1910 года П. А. Столыпин подчёркивал, "что в землеустроительных начинаниях правительства укрепление наделной земли в личную собственность является лишь переходную ступенью, конечная же цель их заключается в устранении чересполосности и других недостатков существующего землепользования"³¹.

На втором этапе, начавшемся после издания закона 29 мая 1911 года, главным стержнем в реализации реформы становится землеустройство, в ходе которого каждый домохозяин без предварительного укрепления при проведении землеустроительных работ становился собственником своего участка, получая на руки удостоверительный акт на землю. Неудивительно поэтому, что на данном этапе количество заявлений об укреплении наделов стало снижаться, это давало повод противникам реформы утверждать, что она провалилась, игнорируя итоги и значение землеустройства, в особенности группового землеустройства. Например, уже упомянутый нами А. М. Анфимов падение числа выходов из общины называл "катастрофическим для столыпинских реформаторов"³². Между тем, землеустройство занимало в реформировании гораздо более значимое место, чем простое закрепление наделов в личную собственность. Оно имело огромное значение в контексте рационализации крестьянских хозяйств, было важным шагом на пути к поднятию культуры землепользования, а именно эта цель являлась ключевой в реформировании. Недаром в докладе, прочитанном в Вольном экономическом обществе в начале апреля 1917 года, известный знаток аграрного строя России Б. Д. Бруцкус, отмечая несомненный успех столыпинского землеустройства, призывал Временное правительство и в дальнейшем не отказываться "от этой важной для сельского хозяйства меры единственно потому, что её выдвинул старый режим"³³.

Снижение числа выходов из общины сопровождалось ростом прошений о землеустройстве, число которых в 1913 году в пять раз превышало число ходатайств за 1907 год и в три раза — за 1908-й. По сравнению с 1910 и 1911 годами число ходатайств увеличилось, соответственно, на 70% и 63%. Характерно, что рост числа ходатайств наблюдался во всех губерниях, где были учреждены землеустроительные комиссии³⁴. Например, в Тверской губернии количество ходатайств за 1912–1913 годы составляло 51% от их общего числа³⁵. В Московской губернии за 9 месяцев 1912 года выдвинулось в 30 раз больше хозяйств, чем в 1908 году, и на 67% больше, чем в 1909-м³⁶. В итоге площадь завершённых и подготовительных землеустроительных работ, с учётом землеустройства на землях Крестьянского банка и в Сибири, охватывала огромную территорию, равную площади современных Франции, Бельгии, Швейцарии и Австрии вместе взятых³⁷. Впечатляющий рост объёмов производимых землеустроительных работ сопровождался улучшением их качества.

Как видим, темпы проведения реформы не только не замедлились, но даже увеличились, в связи с чем никак нельзя говорить о её провале после 1910 года. Оценивать результаты столыпинской аграрной реформы следует исключительно на основании заявлений о выходе из общины в сумме с количеством ходатайств о землеустройстве. При таком подходе становится очевидным, что реформа не исчерпала свой потенциал, а, по сути дела, только набирала ход. Об этом умалчивала советская историография, ибо, если не было спада реформы, то все разговоры о ее «крахе» лишались твёрдой почвы.

В проведённом исследовании не находит также своего подтверждения тезис о повсеместном применении принуждения в отношении крестьян. Как было показано, злоупотребления на местах в ходе реформы имели место лишь в отдельных районах, происходили вопреки указаниям правительства и объяснялись, главным образом, некомпетентностью, карьеристскими устремлениями и личными качествами местных чиновников³⁸, что при грандиозном масштабе преобразований являлось вполне закономерным.

Очень важно отметить, что многие из упоминаемых в трудах историков случаи массового силового давления на крестьян приводятся без достаточной доказательной базы, очень часто без единой ссылки на источники. Так, для С. А. Сафронова вывод об административно-принудительном характере реформы является очевидным и не требующим каких-либо доказательств³⁹. П. Н. Зырянов, подчёркивавший в своих работах насильственный характер реформы, «многообразное и неустанное, законное и незаконное давление центральных и местных властей на общину», в качестве доказательства приводил один-единственный пример⁴⁰. Ещё один историк – А. П. Корелин – писал, что «несмотря на массивное административное давление, а может быть, отчасти и в результате него значительные массы крестьян выступили против насильственного разрушения общины», и тут же следовала оговорка, что «открытых выступлений было не так много»⁴¹.

Насильственный и антикрестьянский (как считали советские историки) характер реформы должен был вызвать массовые протесты крестьян и волну аграрных беспорядков. Известный советский историк С. М. Дубровский⁴², на основании данных Департамента полиции (который фиксировал все случаи крестьянских выступлений), привёл статистические подсчёты, которые однозначно свидетельствуют о том, что массовых протестов крестьян против столыпинской аграрной реформы не было. Так, на странице 518 его монографии приведены данные по общему количеству крестьянских выступлений в 1890–1917 годы (таблица 212), далее на странице 551 (таблица 222) приведены данные уже только о выступлениях крестьян непосредственно против реформы. Сопоставление этих данных позволяет сделать однозначный вывод, что в общем количестве крестьянских выступлений протесты против реформы были крайне незначительны. Хотя сам С. М. Дубровский считал иначе, но статистика говорит сама за себя. На странице 536 историк привёл данные о характере крестьянских выступлений (таблица 218). Данные этой таблицы показывают, что подавляющее большинство аграрных волнений было направлено против помещиков.

Надо сказать, что в отечественной историографии, особенно советского периода, имела место тенденция к преувеличению масштабов неприятия реформы крестьянами. Так, Г. А. Герасименко в своей монографии, вышедшей в середине 80-х годов прошлого века, писал, что «столкновения и конфликты имели место во всех регионах страны безотносительно к тому, какая система землепользования там преобладала»⁴³. Между тем, подобное утверждение историка не имеет под собой никаких оснований и опровергается донесениями губернаторов, предоставленными в Земский отдел МВД в августе–ноябре 1911 года, согласно которым почти в половине губерний Европейской России (в 22 из 47) случаев массовых протестов общинников, которые бы вылились в серьёзные конфликты и беспорядки, зафиксировано не было⁴⁴. Имевшиеся выступления крестьян зачастую объяснялись не протестами против реформы как таковой, а спорами и разногласиями между общинниками и выделяющимися. Вполне понятно, что раздел земли для крестьян являлся вопросом крайне болезненным. При этом необходимо отметить, что, вопреки устоявшимся представлениям, противоречия между крестьянами не носили массового характера. В начале 1909 года в Санкт-Петербурге состоялся съезд неприменных членов губернских присутствий и землеустроительных комиссий. Материалы

съезда дают весьма целостную картину настроения крестьян и их отношения к проводимой реформе. Так, неприменный член Нижегородского губернского присутствия отмечал, что «ни враждебного отношения, ни тем более открытого насилия со стороны общинников к выделившим и укрепившим землю не наблюдалось...»⁴⁵. Земский начальник Холмского уезда Псковской губернии докладывал, что «отношение крестьян к укрепившим свои наделы и к хуторьям самое дружелюбное, причём последние пользуются особым уважением общинников, сознающих прекрасно всю выгоду хуторского хозяйства, но вместе с тем ещё недостаточно решительными, чтобы последовать их примеру»⁴⁶.

Одним из заблуждений критиков реформы является утверждение о том, что выход крестьян из общины совершался повсеместно в административном порядке, по постановлениям земских начальников. К примеру, в Калужской губернии подавляющее большинство выделяющихся домохозяев (74%) получили согласие сельских сходов, и лишь 26% укрепили землю на основании постановлений земских начальников⁴⁷. В Витебской губернии эти цифры были ещё более внушительными — 85% укреплений состоялось по приговорам обществ⁴⁸. Некоторое увеличение протестов против землеустройства в годы Первой мировой войны было связано с тем, что общинники выступали против его проведения в условиях, когда огромное число домохозяев находилось на фронте, они требовали его переноса на мирное время. Продолжение реформы в условиях военного времени воспринималось ими как дело сомнительное и несправедливое⁴⁹. Не желая нарушать интересы крестьян, Главноуправляющий Землеустройством и Земледелием А. В. Кривошеин 29 апреля 1915 года издал циркуляр о временной приостановке землеустроительных работ до возвращения находящихся в действующей армии домохозяев. Очевидно, что ни о каком насилии речь здесь идти не может.

Кроме того, выводы к которым приходил Г. А. Герасименко, строились во многом на материалах оппозиционной дореволюционной печати, страницы которой пестрели критическими публикациями и заметками. Многие факты преподносились, как в кривом зеркале. Общую тональность таких публикаций весьма полно передавал публицист Б. Юрьевский: «Любой, даже неперевёрнутый слух о неудачной землеустроительной работе моментально комментируется в самых различных органах печати, переносится в ежемесячные журналы, в коих производится тщательная сводка таких неудачных примеров, приведённых в газетах. Между тем как об удачно исполненных работах оппозиционная печать сведений никогда, конечно, не даёт. Для непосвящённых в дело широких слоёв общества нетрудно при таких условиях сделать вывод, что землеустройство проводится в большинстве случаев крайне неудачно»⁵⁰.

Крестьянские выступления в большинстве случаев были спровоцированы революционной пропагандой, носили единичный характер и не отражали настроения всего крестьянства. Естественно, что, узнавая о реформе по ложным слухам, крестьяне настороженно и с недоверием относились к правительственным начинаниям. Например, под влиянием революционной пропаганды крестьяне Чистопольского уезда Казанской губернии считали, что нужно всеми мерами настраивать односельчан против землеустройства⁵¹. Тем не менее, нам представляется, что Б. Д. Бруцкус был не столь далёк от истины, когда писал, что реформа «...ни разу не вызвала ни одной серьёзной вспышки народного неудовольствия»⁵².

Принимая во внимание, что более 25% домохозяев заявили о своём желании выйти из общины и почти половина (47%) ходатайствовали о проведении землеустройства, и при этом учитывая тот факт, что около половины всех поступивших прошений не были вовремя удовлетворены землеустроительным ведомством, становится очевидным, что правительству абсолютно незачем было форсировать ход реформы, прибегая к принудительным мерам. И без того производство работ, несмотря на увеличение к 1914 году штата землемеров почти в десять раз (с 650 до 6.397), значительно отставало от количества ходатайств, удовлетворения которых крестьянам приходилось ожидать иногда по несколько лет. Например, в 1913 году удалось закончить работы только для одной трети всех ходатайствующих.

В целом, перестройка аграрных отношений осуществлялась на здоровой и добровольной основе. При прямом или косвенном давлении местных властей общину покинуло, предположительно, не более 20–25% домохозяев⁵³. Разумеется, цифры эти не могли оказать существенного влияния на общий ход

реформы. Несмотря на все издержки (на которые, кстати говоря, указывал и сам реформатор), подавляющее большинство крестьян перешло к новым формам хозяйствования исключительно по внутреннему убеждению, осознанная выгодность такого шага, и, как совершенно справедливо отмечал П. А. Столыпин, “безрассудно было бы думать, что такие результаты достигнуты по настоянию правительственных чинов”⁵⁴.

Подводя итог всему вышесказанному, стоит сказать, что все претензии к аграрной реформе П. А. Столыпина – её искусственный характер, насильственное разрушение общины, несоответствие преобразований традициям и менталитету крестьянства и т. п. – предъявлялись аналогичным реформам в других странах Европы и также оказались несостоятельными⁵⁵. По замыслу П. А. Столыпина, столь грандиозная по своим масштабам земельная реформа должна была проводиться в течение 6–7 трёхлетий, то есть примерно в течение 20 лет. Учитывая, что Первая мировая война приостановила реализацию реформы, а после февральских событий 1917 года она была и вовсе прекращена постановлением Временного правительства, на наш взгляд, было бы уместней говорить лишь о промежуточных её результатах, которые, учитывая короткие сроки преобразований, несомненно, оказались весьма значительными.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Анфимов А. М. Столыпин и российское крестьянство. М., 2002. – С. 264.
- ² Максимов С. В. Столыпинское землеустройство (1906–1916 гг.). Арзамас, 1999. – С. 135.
- ³ Ефременко А. В. Земская агрономия и её роль в эволюции крестьянской общины. Ярославль, 2002. – С. 25–26.
- ⁴ Дунаева Н. А. Модернизационные процессы в поволжской деревне в 1907–1917 годах. Ульяновск, 2012. – С. 85.
- ⁵ Столыпин П. А. Грани таланта политика. М., 2006. – С. 71.
- ⁶ Столыпин П. А. Нам нужна Великая Россия... Полн. собр. речей в Государственной думе и Государственном совете, 1906–1911 гг. М., 1991. – С. 93–94.
- ⁷ Столыпин П. А. Программа реформ. Документы и материалы. В 2-х тт. Т. 1. 2002. – С. 61.
- ⁸ Там же.
- ⁹ Столыпин П. А. Нам нужна Великая Россия... – С. 248.
- ¹⁰ Вронский О. Г. Государственная власть России и крестьянская община в годы “великих потрясений” (1905–1917). М., 2000. Ковалёв Д. В. Аграрные преобразования и крестьянство столичного региона в первой четверти XX века (на материалах Московской губернии). М., 2004. Он же. Правовые компромиссы в земельной политике П. А. Столыпина // Вопросы истории. – 2018. – № 7. – С. 43–49.
- ¹¹ Вронский О. Г. Указ. соч. – С. 232.
- ¹² Дебаты о земле в Государственной Думе (1906–1917 гг.). Документы и материалы. М., 1995. – С. 252.
- ¹³ Столыпин П. А. Переписка. М., 2004. – С. 158.
- ¹⁴ Ковалёв Д. В. Аграрные преобразования и крестьянство столичного региона... – С. 82.
- ¹⁵ Литошенко Л. Н. Социализация земли в России. Новосибирск, 2001. – С. 141.
- ¹⁶ Семёнов С. Т. Крестьянское переустройство. Три статьи. М., 1915. – С. 85.
- ¹⁷ Миронов Б. Н. Российская империя: от традиции к модерну: в 3-х тт. Т. 2. СПб, 2015. – С. 231.
- ¹⁸ Там же. – С. 212.
- ¹⁹ Тюкавкин В. Г. Великорусское крестьянство и столыпинская аграрная реформа. М., 2001. – С. 185.
- ²⁰ Лосицкий А. Е. К вопросу об изучении степени и форм распада общины. Укрепления наделов в полную собственность. Удостоверительные акты. Выходы на хутора и отруба. М., 1916.
- ²¹ Столыпин П. А. Грани таланта политика. М., 2006. – С. 485.

- ²² Павлова О. В. Аграрная реформа в Тверской деревне (1906–1917 гг.). Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Тверь, 2006. — С. 18.
- ²³ Шагин Э. М. Столыпинская аграрная реформа: её результаты и судьба // Очерки истории России, её историографии и источниковедения (конец XIX — середина XX вв.). М., 2008. — С. 80–81.
- ²⁴ Столыпин П. А. Грани таланта политика. — С. 171–172.
- ²⁵ Столыпин П. А. Нам нужна Великая Россия... — С. 247.
- ²⁶ Столыпин П. А. Грани таланта политика. — С. 230.
- ²⁷ Там же.
- ²⁸ Землеустройство в Калужском уезде. Калуга, 1915. — С. 45.
- ²⁹ Карпачёв М. Д. Столыпинские аграрные реформы в восприятии Воронежского крестьянства // Исторические записки: науч. тр. ист. фак. Воронеж. гос. ун-та. Вып. 1. Воронеж, 1996. — С. 74.
- ³⁰ Данилов В. П. Судьбы сельского хозяйства в России (1861–2001 гг.) // История крестьянства России в XX веке. Избранные труды. В 2-х ч. Ч. 2. М., 2011. — С. 637.
- ³¹ Столыпинская реформа и землеустроитель А. А. Кофод. Документы, переписка, мемуары. М., 2003. — С. 704.
- ³² Анфимов А. М. Указ. соч. — С. 122.
- ³³ Бруцкус Б. Д. К современному положению аграрного вопроса. Пг, 1917. — С. 21.
- ³⁴ Комитет по землеустроительным делам. Краткий очерк за десятилетие 1906–1916. Пг, 1916. С. 60.
- ³⁵ Павлова О. В. Указ. соч. — С. 18.
- ³⁶ Личное крестьянское землевладение в Московской губернии в 1907–1912 гг. М., 1913. — С. 26.
- ³⁷ Давыдов М. А. Двадцать лет до Великой войны: российская модернизация Витте-Столыпина. 2-е изд., испр. и доп. СПб, 2016. — С. 805.
- ³⁸ Тюкавкин В. Г. Указ. соч. — С. 156.
- ³⁹ Сафронов С. А. П. А. Столыпин: реформатор на фоне аграрной реформы. В 2-х тт. Т. 2. Красноярск, 2015. — С. 455.
- ⁴⁰ Зырянов П. Н. Крестьянская община Европейской России, 1907–1914 гг. М., 1992. — С. 134–135. Он же. Пётр Столыпин. Политический портрет. М., 1992. — С. 59–60.
- ⁴¹ Корелин А. П. Реформы П. А. Столыпина: исторический опыт и уроки // Труды Института российской истории. Вып. 11. М., 2013. — С. 105.
- ⁴² Дубровский С. М. Столыпинская земельная реформа. Из истории сельского хозяйства и крестьянства России в начале XX в. М., 1963.
- ⁴³ Герасименко Г. А. Борьба крестьян против столыпинской аграрной политики. Саратов, 1985. — С. 173.
- ⁴⁴ Климин И. И. Столыпинская аграрная реформа и становление крестьян-собственников в России. СПб, 2002. — С. 209–210.
- ⁴⁵ Труды съезда непреременных членов губернских присутствий и землеустроительных комиссий. СПб, 1909. — С. 263.
- ⁴⁶ Там же. — С. 264.
- ⁴⁷ Панасюк В. В. Столыпинская аграрная реформа и российская провинция (по материалам Калужской губернии) // Российская история. — 2017. — № 1. — С. 159.
- ⁴⁸ Труды съезда непреременных членов... — С. 259
- ⁴⁹ Шевелёва О. В. Сельскохозяйственное развитие Великорусской провинции и столыпинская аграрная реформа в годы I мировой войны (по материалам Тульской губернии). Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Тула, 2008. — С. 22.
- ⁵⁰ Юрьевский Б. Правительство и земля. СПб, 1912. — С. 6.
- ⁵¹ Кабытов П. С. Власть и крестьянство Поволжья в период проведения Столыпинской земельной реформы // Крестьянство и власть Среднего Поволжья. Саранск, 2004. — С. 239.
- ⁵² Бруцкус Б. Д. Аграрный вопрос и аграрная политика. Пг, 1922. — С. 131.
- ⁵³ Климин И. И. Указ. соч. — С. 162.
- ⁵⁴ Столыпин П. А. Нам нужна Великая Россия... — С. 252.
- ⁵⁵ Миронов Б. Н. Указ. соч. — С. 239.